

«Стяжите дух мирен...»

Священник Михаил Мелешкин,
руководитель отдела Религиозного образования и катехизации
по Нефтеюганскому благочинию,
духовник НОУ «Нефтеюганская православная гимназия».

В ноябре 2014 года в городе Нефтеюганске прошли недельные курсы по «Восстановительной медиации». Их проводил Антон Юрьевич Коновалов, автор концепции школьных служб примирения. В семинаре участвовали, практически все школьные психологи и социальные педагоги города.

Естественно, сообщество наше собралось в приказном порядке – так уж заведено сейчас. Сначала, честно говоря, мы не понимали, что нас ждет. Нахватавшись верхов из Интернета, каждый понимал свое. Кто-то видел в медиаторе третейского судью, кто-то – человека или группу таковых, замещающих или действующих параллельно совету профилактики. К примеру, я ждал от курсов набора каких-то методов, позволяющих мне более эффективно работать в разрешении конфликтных ситуаций. Все наши домыслы сводились к тому, что придется создавать какой-то новый орган или структуру в школе, в котором будут исправлять конфликтных детей. Нас даже предварительно собрали в октябре, чтобы объяснить «скрытый смысл». Как оказалось позже, смысл был скрыт и от объясняющих. Окончанием предварительной встречи стали слова: «Приедет Антон и все расскажет!»

Начались курсы, в недоумении все прибывали еще дня два. Мы не могли понять: кто такой медиатор, в чем его роль? Наши недавно образованные стереотипы о медиации совершенно не совпадали с объяснениями автора. Об этом Антон предупредил сразу.

Мне потом стало понятно – сложно сменить эту привычную парадигму реагирования на конфликты. Будь то школа, работа, или другой какой коллектив; мы привыкли решать подобные ситуации в системе «преступление и наказание». Под эту систему созданы всевозможные многочисленные

организации, которые пытаются исправить преступника наказанием. Всевозможные советы профилактики, отделы по делам несовершеннолетних и т.д. пытаются санкционно направить на «путь истинный» неосознанно оступившегося подростка. Как показывает реальность – система малоэффективна. Но мы пользуемся ей, и она прочно вошла в нашу жизнь. На мой взгляд, перевоспитать хулигана такими методами невозможно. Однажды оступившись и попав в эту систему исправления, молодой человек рискует не выбраться из нее. Его будут клеймить на совете профилактики, его будут заставлять принести извинения, чаще всего прилюдно, его будут заставлять возместить ущерб. Одним словом – это будет унижение! Вероятнее всего подобные меры приведут к рецидиву преступления, так как унижение вызывает протест. Ребенка отправят в КДН, где методы принципиально такие же. Его поставят на учет, под него напишут программу перевоспитания, он будет ходить отмечаться, на него будут смотреть как на малолетнего преступника. А это в молодежной среде сейчас еще модно! Дай Бог, если в этой системе все-таки окажется равнодушный человек и поможет оступившемуся ребенку подняться, осознать свои ошибки и захотеть их исправить.

Понимая, что подобные методы не работают, мы все равно их используем. Потому что не можем посмотреть на проблему иным взглядом. Мы привыкли к тому, что если человек совершил преступление – человека надо изолировать. И даже тогда, когда еще можно исправить причину плохого поступка, а именно создать условия, в которых ребенок переосмыслит свои действия и сам примет правильное решение; мы все равно идем по проторенной.

Мы настолько разучились мириться и решать конфликты мирным путем, находя компромисс, что ушли в этом вопросе куда-то в средневековье. Многие берут биты в багажниках, покупают травматическое оружие и учат своих детей чуть что бить в «морду» своему обидчику. Нет, это не от желания обороняться – это от неумения разговаривать и договариваться. Понимая, что нас никто не рассудит, сами не умея этого делать, мы беремся за оружие, действуя по

привычному принципу «преступление и наказание», воздая зуб за зуб, глаз за глаз.

Видимо поэтому наша группа на семинаре так долго включалась в суть дела, потому что все мы тогда, когда сталкивались с конфликтами в своей жизни, действовали в нормативно-правовой парадигме.

В чем же все-таки смысл восстановительной медиации? Автор этого принципа, Антон Юрьевич Коновалов, через весь наш курс красной нитью провел следующее понимание этого процесса: «Восстановительная медиация – это процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем... В ходе восстановительной медиации важно, чтобы стороны имели возможность освободиться от негативных состояний и обрести ресурс для совместного поиска выхода из ситуации»¹. На мой взгляд ничего нового. Это просто напоминание о том, что можно решать конфликты по-иному, не только в рамках карательной направленности уголовно-юридической системы. Цель медиации – примирение.

Много конфликтов люди решают без специалистов (без психологов, судей, педагогов), и это нормально. Мне кажется, у многих из нас еще сохранились способы выхода из конфликта, которые отвечают нашим интересам и нравственным ценностям. Поэтому, у медиатора нет задачи вовлечь всех конфликтующих между собой в процесс примирения. Участие в программах только добровольно. Очень часто рассорившимся людям нужен толчок, нужны условия для примирения. Своего рода, строителем такого «примирительного моста» может явиться медиатор.

Медиатор, при обоюдном согласии встречается с каждой из сторон по отдельности и обсуждает цели, приоритеты, ценности человека, и возможные пути выхода из ситуации. Он не осуждает, не выносит решения, не

¹ Стандарты восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. Концепция и практика восстановительной медиации. Вып. 7. М.: Центр «СПР», 2010.

советует, не поучает, не является адвокатом или представителем какой-либо из сторон конфликта.

В восстановительных программах приветствуется участие близких и уважаемых ребенком (подростком) людей, чтобы они напомнили ему о нравственных ценностях, принятых в семье, школе, обществе. Работа медиатора направлена на создание условий, при которых ребенок услышит обращенные к нему слова, и важно, чтобы эти слова не были клеймящими и морализаторскими поучениями.

Когда же стороны готовы к диалогу организуется их встреча. Если медиатор видит, что стороны слишком агрессивны и настроены на столкновение, то он должен либо продолжать с ними предварительные встречи по отдельности, либо передать более опытному медиатору, либо принять решение не проводить медиацию по данной ситуации. Когда же соглашения достигнуты, может заключаться договор, в котором стороны описывают примирительные действия, например заглаживание вреда.

Этот способ не предусматривает избавление от наказания. Если по закону должно быть рассмотрение дела в суде или на Комиссии по делам несовершеннолетних, то оно состоится и соответствующим органом будет вынесено решение (приговор, постановление). Исключение составляют три статьи частного обвинения (например, клевета, причинение легкого вреда здоровью и т.д.), которые прекращаются по заявлению потерпевшего. При этом медиатор считает важным, чтобы если обидчик загладил причиненный вред, принес извинения, которые были приняты пострадавшим, а также сделал другие действия направленные на исправление ситуации, то это было учтено судом (КДНиЗП, советом профилактики школы и пр.) при вынесении решения о наказании.

На мой взгляд, универсальных способов в этом вопросе разрешения конфликтов нет, именно поэтому специалисты по медиации изучают и применяют на практике различные методы, корни которых уходят в древность. В восстановительных технологиях я увидел и элементы народного вече и

казачьего круга. Возможно, это и делает медиацию эффективной, т.к. не только опирается на современную науку, но и на житейскую мудрость разных народов. С другой стороны, она не всесильна. И применима только в случае, когда обе стороны готовы строить примирительный диалог.

По особо тяжким преступлениям (убийства, изнасилования, терроризм и пр.) медиация в России не проводится. Но среди преступлений совершаемых несовершеннолетними, особо тяжкие преступления составляют очень малый процент (около 5%), и жесткость реагирования на особо тяжкие преступления не должна распространяться на остальные 95% дел несовершеннолетних.

Нет гарантий, что после работы по восстановительным программам не будет рецидива совершения подростком подобного правонарушения в будущем. Но и система уголовного наказания не может этого гарантировать, равно как и любая другая система. В среднем, по статистике разных стран, число повторных правонарушений подростков после успешно проведенной медиации без примирения наказания меньше, чем после уголовного наказания. В России число повторных правонарушений после проведенных восстановительных программ минимально (по данным, полученным из зонального информационного центра ГУИВД по Москве - 1%; однако, в России медиаций по уголовным делам не очень много, что надо учитывать при анализе данных, и это относится именно к уголовным делам, а не конфликтам).

Некоторые критики подобного подхода к разрешению конфликтов утверждают, что эта система западная и чуждая для российского общества, которая только и делает, что помогает внедрить в законодательство ювенальные технологии. Эти суждения поверхностные. Я не увидел в медиации ничего «ювенального». Да и не все что приходит с Запада, то плохо. Зачастую подобные критические осуждения носят демагогический характер – все критикуется, а альтернативного решения не предлагается. Медиация – это один из способов, и как свидетельствует статистика, способов эффективных, помогающих найти общий язык.